RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

32
(2021)

Saint-Petersburg
2021

Археологические вести

32
(2021)

Санкт-Петербург
2021

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:
О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:
М. Т. Кашуба (отв. редактор), Ю. Г. Кутимов, В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов, А. В. Фрибус
Издательская группа:
А. В. Гилевич (переводы), Т. С. Дорофеева, В. П. Никоноров (переводы), Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 32 /** [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2021. — 464 с.: ил.

Выпуск 32 журнала «Археологические вести» посвящен юбилеям трех сотрудников Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН: В. А. Алёкшина, В. И. Распоповой и Л. Б. Кирчо. Тематика большинства опубликованных статей так или иначе связана с историей и археологией Средней Азии разных эпох. В выпуск вошли очерки, посвященные юбилярам, и статьи по древнейшему и античному периодам истории этого региона авторов из России, Украины, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Казахстана, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Швейцарии. Также представлены традиционные разделы «Новые исследования и открытия», «Обзоры и рецензии» и «История науки».
Издание адресовано археологам, историкам, студентам.

Issue 32 of the journal “Archeological News” is dedicated to the anniversaries of three employees of the Department of Archeology of Central Asia and the Caucasus, IIMK RAS: V. A. Alyokshin, V. I. Raspopova and L. B. Kircho. Most of the published articles are in one way or another related to the history and archeology of Central Asia of different eras. The issue includes essays dedicated to the heroes of the day, and articles on the most ancient and antique periods of the history of this region by authors from Russia, Ukraine, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, Kazakhstan, Great Britain, Germany, Italy, France, Switzerland.
Also presented are the traditional sections “New Research and Discoveries”, “Reviews and Reviews” and “History of Science”.
The publication is addressed to archaeologists, historians, students.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — бронзовая печать, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 1815/1405)
First page of cover — Bronze seal from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 1815/1405)
Четвертая страница обложки — серебряная булавка, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 168)
Fourth page of cover — Silver pin from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 168)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

Содержание

От редакции 9

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

П. Б. Лурье. К юбилею Валентины Ивановны Распоповой 10

Д. Абдуллоев, Ю. Г. Кутимов, Н. Н. Скакун. Юбилей Вадима Андреевича Алёкшина 19

Н. А. Дубова. Любовь Борисовна Кирчо. Археология и жизнь 32

ДРЕВНЕЙШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С. Бобомуллоев, Н. М. Виноградова, Б. Бобомуллоев, Т. У. Худжагелдиев, М. Наврузбеков. Предварительные результаты исследования курганов в местности Саразм-2 в бассейне р. Зеравшан летом и осенью 2020 г. 40

Дж. Л. Бонора, Г. Росси Осмида (†), А. Ченджа. Печати из могильника Аджикуи (*перевод с англ. А. В. Гилевича*) 55

С. Винкельманн. Некоторые замечания о происхождении женских божеств БМАК (*перевод с англ. А. В. Гилевича*) 69

Э. А. Мурадова. Исследования на Изат-кули 100

Р. М. Сатаев, Л. В. Сатаева, А. В. Фрибус. Фитоморфные сюжеты в материалах из раскопок Гонур-депе 110

С. Дж. Симпсон. Шкатулки бронзового века: экзотические импорты, подражания-скевоморфы и локальное производство от Центральной Азии до Шумера (*перевод с англ. А. В. Гилевича*) 119

Т. Г. Филимонова, Н. А. Дубова. Новые материалы бронзового века с территории Южного Таджикистана 133

И. Хайт. Неровный горизонт: некоторые размышления об истории заселения памятников неолита и энеолита Южного Туркменистана 145

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ

С. Б. Болелов. Гончарные производства на территории Южного Приаралья (к вопросу об организации ремесленного производства в древности) 157

М. Ю. Вахтина. Эллинистическая усадьба близ античного города Порфмий в Восточном Крыму 179

В. А. Горончаровский. К оценке этнополитической ситуации VII–V вв. до н. э. в Нижнем Прикубанье 187

А. А. Красноперов. Распространение янтарных грибовидных бус-подвесок в Поволжье и Прикамье и индикаторы финала позднесарматского времени 194

Ж. Люилье, Х. Бендезу-Сармьенто. Улуг-депе в эллинистический и парфянский периоды: новые открытия (*перевод с англ. А. В. Гилевича*) 212

В. П. Никоноров, И. А. Аржанцева. История древнейших седел жесткой конструкции в свете археологических данных из Южного Приаралья 228

А. В. Омельченко. О терракотовой пластике античного Согда 255

А. Н. Подушкин, А. Г. Донец. Археологический комплекс кургана 1 могильника Кызылколь 274

Б. А. Раев, А. Н. Подушкин, А. Г. Донец. Особенности планировки жилой и производственной зон на городище Ушбастобе (Южный Казахстан) 285

Э. В. Ртвеладзе. К вопросу о локализации городов на Оксе в «Географии» Птолемея 292

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Д. Абдуллоев. Сведения «Худул ал-Алам» о городах и селениях Мавераннахра раннеисламского времени 300

Ш. Т. Адылов. Маймарг Бухарский и карательный поход Бахрама Гура (по материалам археолого-топографических и письменных источников) 309

Ф. Ш. Аминов. Керамические крышки из домонгольского Пенджикента и его округи 324

Дж. Я. Ильясов. Оссуарий с городища Дальварзинтепа 338

П. Б. Лурье. Оксийские кантоны Согдианы в китайских исторических источниках 347
Приложение. *А. А. Бурханов, П. Б. Лурье.* Согдийская надпись из Кёшк Зухра-Тахира 352

М. А. Мамедов, Э. А. Мурадова. Новые данные о так называемом Караван-сарае Куняургенча 356

Д. К. Мирзаахмедов, А. И. Торгоев, С. Д. Мирзаахмедов, М. Н. Султанова. Клад согдийской культовой утвари VII–VIII вв. из Пай-Арыка 367

Т. К. Мкртычев. Чудо в Сравасти (воспроизведение и прототип) 378

В. С. Соловьев. Кочевники в раннесредневековом Тохаристане 382

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Р. А. Мимоход, А. Н. Усачук, А. В. Вербовский. Каменные бруски с двумя перетяжками в погребениях культурного круга Бабино в контексте оснащения лучника в западной части Старого Света 386

И. В. Палагута. Поселения-гиганты Триполья–Кукутень: проблемы и перспективы новейших исследований 402

Е. Г. Старкова. Симметрия в орнаментах трипольской культуры 416

В. А. Трифонов. Шатровый дольмен у станицы Царская, 1869 г., Северо-Западный Кавказ: конструкция и археологический контекст 433

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ю. А. Виноградов. Новое о южноаравийском порте Сумхурам (Sumhuram. The Becoming of the Town. Khor Rori Report 4 / Ed. V. Buffa. Roma; Bristol: “L’Erma” di Bretschneider, 2019. 292 p., ill., tabl. [Arabia Antica. 16]) 447

ИСТОРИЯ НАУКИ

И. В. Сапожников, М. Т. Кашуба. Из истории создания «Древностей Геродотовой Скифии»: сотрудничество ИАК с Ф. К. Бруном в 1860-х гг. 452

Список сокращений 462

Contents

From the editorial board 9

OUR ANNIVERSARIES

P. B. Lurje. To the anniversary of Valentina Ivanovna Raspopova 10

D. Abdulloev, Yu. G. Kutimov, N. N. Skakun. Anniversary of Vadim Andreyevich Alyokshin 19

N. A. Dubova. Lubov' Borisovna Kircho. Archaeology and life 32

THE MOST ANCIENT CIVILIZATIONS OF CENTRAL ASIA

S. Bobomulloev, N. M. Vinogradova, B. Bobomulloev, T. U. Hudzhageldiev, M. Navruzbekov. Preliminary results of investigations of barrows in the locality of Sarazm-2 in the basin of the Zeravshan River in summer and autumn 2020 40

G. L. Bonora, G. Rossi Osmida(†), A. Cengia. Seals from the Adji Kui Burials 55

S. Winkelmann. Some remarks about the origin of BMAC female deities 69

E. A. Muradova. Explorations at Izat-Kuli 100

R. M. Sataev, L. V. Sataeva, A. V. Fribus. Phitomorphic designs among the materials from excavations at Gonur-Depe 110

St J. Simpson. Of boxes in the Bronze Age: exotic imports, skeuomorphs and local crafts from Central Asia to Sumer 119

T. G. Filimonova, N. A. Dubova. Newly discovered burials of the Bronze Age in the territory of Tajikistan 133

I. Heit. Uneven Horizons: Some Considerations on the Settlement History of Neolithic and Aeneolithic Sites in Southern Turkmenistan 145

ARCHEOLOGY AND HISTORY OF CENTRAL EURASIA OF THE ANCIENT ERA

S. B. Bolelov. Pottery making in the South Aral region (concerning the question of the organization of handicrafts in antiquity) 157

M. Yu. Vakhtina. Hellenistic farmhouse near the ancient city of Porthmion in East Crimea 179

V. A. Goroncharovskiy. Evaluation of the ethnopolitical situation of the 7th–5th century BC in the Lower Kuban River region 187

A. A. Krasnoperov. The spread of amber mushroom-shaped beads-pendants in the Volga and Kama region and indicators of the end of the late Sarmatian period 194

J. Lhuillier, J. Bendezu-Sarmiento. Recent discoveries on the Hellenistic and Parthian Occupation of Ulug-depe 212

V. P. Nikonorov, I. A. Arzhantseva. The history of the earliest rigid-structure saddles in the light of archaeological data from the Southern Aral Sea area 228

A. V. Omel'chenko. On the terracotta plastics of antique Sogdiana 255

A. N. Podushkin, A. G. Donets. An archaeological complex of Barrow no. 1 of the Kyzylkol' burial ground 274

B. A. Raev, A. N. Podushkin, A. G. Donets. The layout peculiarities of the residential and production areas in the site of ancient settlement of Ushbastobe (Southern Kazakhstan) 285

E. V. Rtveladze. On the problem of the localization of the cities on the Oxus in Ptolemy's Geography..... 292

D. Abdulloev. "Ḥudūd al-ᶜĀlam" about cities and settlements of Maverannahr in the early Islamic period 300

Sh. T. Adylov. Maymarg of Bukhara and the punitive campaign of Bahram Gor (based on the data of archaeological, topographic and written sources) 309

F. Sh. Aminov. Ceramic lids from pre-Mongolian Panjakent and its surroundings 324

J. Ya. Il'yasov. An ossuary from the urban settlement site of Dal'varzintepa 338

P. B. Lurje. The Oxian cantons of Sogdiana in Chinese historical sources 347

Appendix. *A. A. Burhanov, P. B. Lurje.* Sogdian inscription from Koshk Zuhra-Takhir 352

M. A. Mamedov, E. A. Muradova. New evidence on the so-called Caravanserai of Koneurgench 356

D. K. Mirzaakhmedov, A. I. Torgoev, S. D. Mirzaakhmedov, M. N. Sultanova. Hoard of Sogdian cult utensils of the 7th–8th century from Pay-Aryk 367

T. K. Mkrtychev. The Miracle in Śrāvastī (reproduction and prototype) 378

V. S. Solov'ov. Nomads in early mediaeval Tokharistan 382

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

R. A. Mimokhod, A. N. Usachuk, A. V. Verbovskiy. Stone bars with two constrictions in burials of the Babino cultural circle within the context of archer's outfit in the western part of the Old World 386

I. V. Palaguta. Giant-settlements of Tripolye-Cucuteni: problems and prospects of the immediate investigations 402

E. G. Starkova. Symmetry in ornamentation of the Tripolye culture 416

V. A. Trifonov. The Multi-sided Dolmen with Tent-shaped Roof near Tsarskaya (Novosvobodnaya), 1869, North-Western Caucasus: construction and archaeological context 433

REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

Iu. A. Vinogradov. New about the South Arabian port of Sumhuram (Sumhuram. The Becoming of the Town. Khor Rori Report 4 / Ed. V. Buffa. Roma; Bristol: "L'Erma" di Bretschneider, 2019. 292 p., ill., tabl. [Arabia Antica. 16]) 447

HISTORY OF SCIENCE

I. V. Sapozhnikov, M. T. Kashuba. From the history of the creation of "Antiquities of Herodotus Scythia": collaboration of the IAK with F. K. Brun in the 1860s 452

List of abbreviations 462

Поселения-гиганты Триполья–Кукутень: проблемы и перспективы новейших исследований

И. В. Палагута[1]

Аннотация. *В статье представлен обзор новейших исследований поселений-гигантов трипольской культуры, развивавшейся на юге Восточной Европы в V–IV тыс. до н. э. Рассмотрены результаты магнитометрической съемки и ее интерпретаций, а также предложенные реконструкции последовательности формирования этих памятников. Проведен критический анализ предложенных концепций, в частности гипотезы о поселениях-гигантах как «местах паломничества»; отмечены отдельные характерные черты искусства этого периода Триполья.*

Annotation. *This paper is a review of the most recent investigations of the giant-settlements of the Tripolye culture which was developing in the south of East Europe in the 5th–4th millennium BC. Results of magnetometric surveys and their interpretations are considered, as well as the hypothetic reconstructions of the sequence of formation of these sites. Critical analysis was conducted on the proposed concepts, including the hypothesis about the giant-settlements as "places of pilgrimage"; particular characteristic features of the art of this period of Tripolye are presented.*

Ключевые слова*: культура Триполье-Кукутень, поселения-гиганты, керамика, радиоуглеродные даты, поселенческие системы, планировка поселений, искусство.*

Keywords: *of Tripolye-Cucuteni culture, giant-settlements, pottery, radiocarbon dates, settling patterns, layouts of settlements, art.*

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-402-415

Поселения-гиганты трипольской культуры обнаружены в междуречье Южного Буга и Днепра в начале 1970-х гг. К. В. Шишкиным при дешифровке аэрофотоснимков. Оказалось, что пункты находок трипольской керамики, принимаемые за отдельные памятники, на самом деле являются огромными поселениями: протяженность крупнейших из них измеряется километрами, площадь — сотнями гектаров, а число построек, выявленных позже геомагнитной разведкой, исчисляется тысячами (*Шишкін,* 1973*; Шмаглий и др.,* 1975). Возникшие в IV тыс. до н. э. (согласно радиоуглеродным данным) трипольские поселения-гиганты превышали по размеру современные им первые города Месопотамии. Неудивительно, что на протяжении полувека они привлекают интерес широкого круга специалистов, исследующих закономерности процессов урбанизации, социо- и культурогенеза.

В исследовании трипольских поселений-гигантов можно выделить два периода, соответствующих методам советской и постсоветской археологической науки.

Вскоре после обнаружения поселений-гигантов, относящихся к периоду BII–CI Триполья, начались их масштабные раскопки экспедициями ИА АН УССР: десятки жилищ были раскопаны в Тальянках (320–340 га, экспедиция под рук. В. А. Круца), Майданецком (≈ 210 га, экспедиция под рук. Н. М. Шмаглия и М. Ю. Видейко), Доброводах (≈ 180 га, экспедиция под рук. Т. Г. Мовши), Веселом Куте (≈ 60–80 га, экспедиция под рук. Е. В. Цвек).

Результаты археологических раскопок поселений-гигантов, к сожалению, были слабо освещены

[1] Кафедра искусствоведения, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица; Соляной пер. 13, Санкт-Петербург, 191028, Россия; e-mail: ipalaguta@yandex.ru.

в публикациях. Так, раскопки более 50 жилищ в Майданецком были представлены лишь в виде относительно небольшой обобщающей монографии в журнале (*Шмаглий, Видейко,* 2001–2002). Образцы материалов из Веселого Кута, где раскопаны более 25 построек, были частично описаны в статьях Е. В. Цвек, посвященных проблеме выделения «восточно-трипольской культуры», однако ни один комплекс не издан подробно и полностью.

Осмысление феномена поселений-гигантов в контексте палеодемографических и палеосоциальных реконструкций началось уже в 1970-х гг. (*Массон,* 1980). Финалом периода накопления материалов исследований стали обобщающие исследования В. А. Круца, в которых предложена масштабная историческая реконструкция развития трипольской культуры Буго-Днепровского междуречья (*Круц,* 1989). Свое видение «трипольской цивилизации» с ее «протогородами» представил М. Ю. Видейко (2003); также были обозначены локальные группы поселений и разработана относительная хронология входящих в них памятников (*Ryzhov,* 2012a).

Процесс осмысления результатов этих исследований проходил на фоне сильного сокращения объемов полевых исследований в результате системного социально-экономического кризиса, охватившего страны бывшего СССР после его распада. Несмотря на это в 2000-х гг. увидел свет целый ряд подробных публикаций, среди которых нужно отметить серию монографий, представляющих результаты раскопок в Тальянках (*Круц и др.,* 2001*;* 2005*;* 2013*;* Трипольская культура в Украине*,* 2008), а также исследования синхронных памятников периферийной каневской группы (*Овчинников,* 2014).

Новый этап начался в конце 2000-х гг., когда в исследованиях на Украине и в Молдове начали принимать участие зарубежные археологи. Масштабы раскопок не увеличились, но их существенно дополнили палеозоологические, палеоботанические исследования и, что особенно важно, более качественная магнитосъемка. На порядок выросло и количество полученных радиоуглеродных дат — это дало надежду, что таким путем можно будет выстроить более детальную хронологию памятников и реконструировать последовательность формирования отдельных поселений. На основе накопленных данных были построены палеодемографические и палеосоциальные реконструкции (из последних работ см.: *Diachenko,* 2019).

Все эти изменения были позиционированы некоторыми исследователями как «вторая фаза методологической революции» в изучении поселений-гигантов (*Chapman et al.,* 2014), которая развернулась несколько в стороне от «нормальной археологии» (*Chapman, Gaydarska,* 2019. P. 73). В частности, она мало затронула анализ основного массового материала — керамики, на базе которого можно было бы продолжать разрабатывать хронологию поселений. Все новейшие исследования в той или иной мере опираются на созданную С. Н. Рыжовым в 1980-х гг. классификацию керамики и выстроенные на ее основе хронологию групп памятников и их локальное подразделение (*Ryzhov,* 2012b). Примечательно также, что в новейших публикациях практически нет повторного анализа материалов, найденных в советский период. Причину этого назвать сложно. Однако исследование коллекций из раскопок даже первой половины XX в. может дать много новой информации (*Kadrow et al.,* 2013; *Смирнова и др.,* 2018). Тем не менее появились новые интерпретации этих уникальных памятников — трипольских поселений-гигантов, — на которые хотелось бы обратить внимание.

Краткий обзор
археологических исследований

Суммируя итоги полувековых археологических исследований, можно обозначить ряд общих признаков поселений-гигантов трипольской культуры, число построек в которых достигает 1500 (Майданецкое, Небелевка) и даже 2000 (Тальянки).

Их планировка выстраивается преимущественно по принципу концентрических колец. Подобные планировочные решения формируются еще на раннем этапе развития культуры (Триполье А–Прекукутень). «Уличная» застройка рядами домов присутствует крайне редко и только в небольших поселках. Группировку домов в виде колец можно различить уже в плотной застройке укрепленных городищ периода Кукутень А–Триполье BI (*Палагута,* 2012. Рис. 20). С ростом размеров поселений принцип кольцевой планировки со свободными площадями в центре просматривается все более ясно, несмотря на влияние рельефа местности. Наличие широких пространств между кольцами жилищ и свободных площадей

в центре обусловливает общую низкую плотность застройки — от 4–6 до 10 построек на 1 га (*Diachenko,* 2012. Tabl. 5.1), хотя в самих кольцах жилища тесно примыкают друг к другу.

Обновленные магнитометрические планы позволяют выделить помимо «площадок» — остатков сгоревших глинобитных жилищ — ямы различного назначения, уплотнения грунта (указывающего на улицы или дороги), а также другие объекты. Особую категорию представляют производственные комплексы с гончарными горнами (*Відейко,* 2019; *Ohlrau*, 2020; *Корвин-Пиотровский, Овчинников,* 2020).

Магнитосъемкой также выявлены следы оборонительных рвов, которые окружали как сравнительно небольшие памятники, площадью 30–35 га с 350–370 жилищами (Петрень или Стольничень I в Молдове — *Uhl et al.,* 2017. Abb. 5; *Țerna et al.,* 2019. Fig. 5), так и поселения-гиганты Буго-Днепровского междуречья (Небелевка, до 260 га; Майданецкое, 250 га), где длина рвов достигала 4,0–4,7 км (*Ohlrau*, 2020. P. 114–116; *Видейко и др.,* 2015) (рис. *1–3, 5*). Можно по-разному трактовать эти рвы: как результат ритуальной деятельности — обозначение границ поселения, аналогичное *pomerium* в Древнем Риме (T. Livius, Ab Urbe Condita. I, 44; 2), или функционально — для нужд обороны. В любом случае факт их наличия даже на очень больших поселениях говорит о том, что обведение рвом площади поселения являлось для трипольского населения обычной практикой.

Архитектура жилищ поселений-гигантов демонстрирует относительное однообразие. Большинство из них было двухэтажными домами. Основной элемент конструкции, который сохранился, представляет собой «площадку» из обожженной глины — остатки перекрытия из деревянных плах, обмазанных толстым слоем глины. Обмазанные глиной стены обожжены хуже, поэтому их конструкции не всегда сохраняются. «Типовой» интерьер второго этажа жилища включает «сени» и основную комнату с печью, возвышением в центре («алтарем»), глинобитными возвышениями вдоль стен, на которых расположены сосуды (*Chernovol,* 2012). Такой интерьер представлен и в многочисленных моделях жилищ (*Палагута, Старкова,* 2017).

Таким образом, в планировке и в стандартных параметрах построек можно видеть следование определенным нормативам, или «канонам», воспроизводимым на каждом новом памятнике. Подавляющее большинство наземных глинобитных конструкций на трипольских памятниках обожжено в пламени пожаров, что позволяет предположить наличие традиции намеренного сожжения поселка после его оставления (*Johnston et al.*, 2018).

Наряду с оборонительными рвами, открытием 2010-х гг. стало выявление на крупнейших поселениях «мегаструктур», расположенных между кольцами застройки. В Майданецком таких «мегаструктур» («*assembly houses*») 23 — площадью в среднем от 150–200 до 400 кв. м, самая крупная — 1120 кв. м (*Ohlrau*, 2020. P. 133–138, tabl. 4.3). На сегодняшний день раскопана только одна такая постройка — в Небелевке, размерами 60 × 20 м, площадью около 1200 кв. м (*Видейко и др.,* 2013). Первоначальный энтузиазм некоторых исследователей, увидевших в таких структурах двухэтажные «трипольские храмы» (*Відейко, Бурдо,* 2015), сменился реконструкциями, интерпретирующими «мегаструктуры» как огороженные глинобитными стенками площадки с одной или несколькими примыкающими друг к другу постройками в центральной части (рис. 1, *4*). Эти реконструкции выглядят наиболее приемлемыми, а дальнейшее исследование таких объектов может помочь выяснить их назначение.

Помимо постулируемой культовой функции, такие комплексы могли использоваться, например, для обмолота и хранения зерна, заготовки других продуктов земледелия или собирательства, содержания скота (молодняка?) и т. д. Все это, конечно, сопровождалось обрядовой деятельностью, но комплекс «мегаструктуры» выполнял и определенную хозяйственную функцию. Расположение таких построек между кольцами жилищ позволяет предположить, что они были связаны с отдельными секторами застройки, разделенными лучами «улиц», которые отходили от центральной площади к краям поселения.

Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что культурный слой на поселениях-гигантах незначителен и мало насыщен находками. Так, в Тальянках керамика представлена преимущественно набором сосудов из жилищ, связанным с моментом их оставления, а бытовой мусор в виде отдельных черепков между постройками практически отсутствует (*Круц,* 2008б. С. 56). «Свалки» керамического боя и «зольники» также не обнаружены. Неоднократно отмечалось, что число кремневых изделий, которые

найдены на поселениях-гигантах, крайне незначительно, это преимущественно сами орудия при почти полном отсутствии отходов их производства (*Шмаглий, Видейко*, 2001–2002. С. 107; *Пичкур,* 2008. С. 158). Между тем на территории того же Буго-Днепровского междуречья существовали мощные производственные центры с шахтами для добычи кремня и прилегающими поселками с мастерскими по его обработке (*Цвек, Мовчан,* 2005).

Эти особенности культурного слоя поселений-гигантов указывают на то, что они либо существовали на протяжении относительно коротких промежутков времени, либо их площадь осваивалась последовательно, либо заселение их было периодическим. Соответственно, различными будут и представления о количестве их жителей. При одновременном заселении оно могло превышать 10 000 в Тальянках (при условии одновременного существования более 2000 построек), более 10 000 — в Майданецком (при условии одновременного существования более 2000 построек), более 7500 — в Небелевке (при условии одновременного существования около 1500 построек). Согласно другим моделям демографические оценки могут быть иными, однако население этих поселков будет все равно исчисляться тысячами человек.

Проблема внутренней хронологии поселений-гигантов: керамика или радиоуглеродные даты

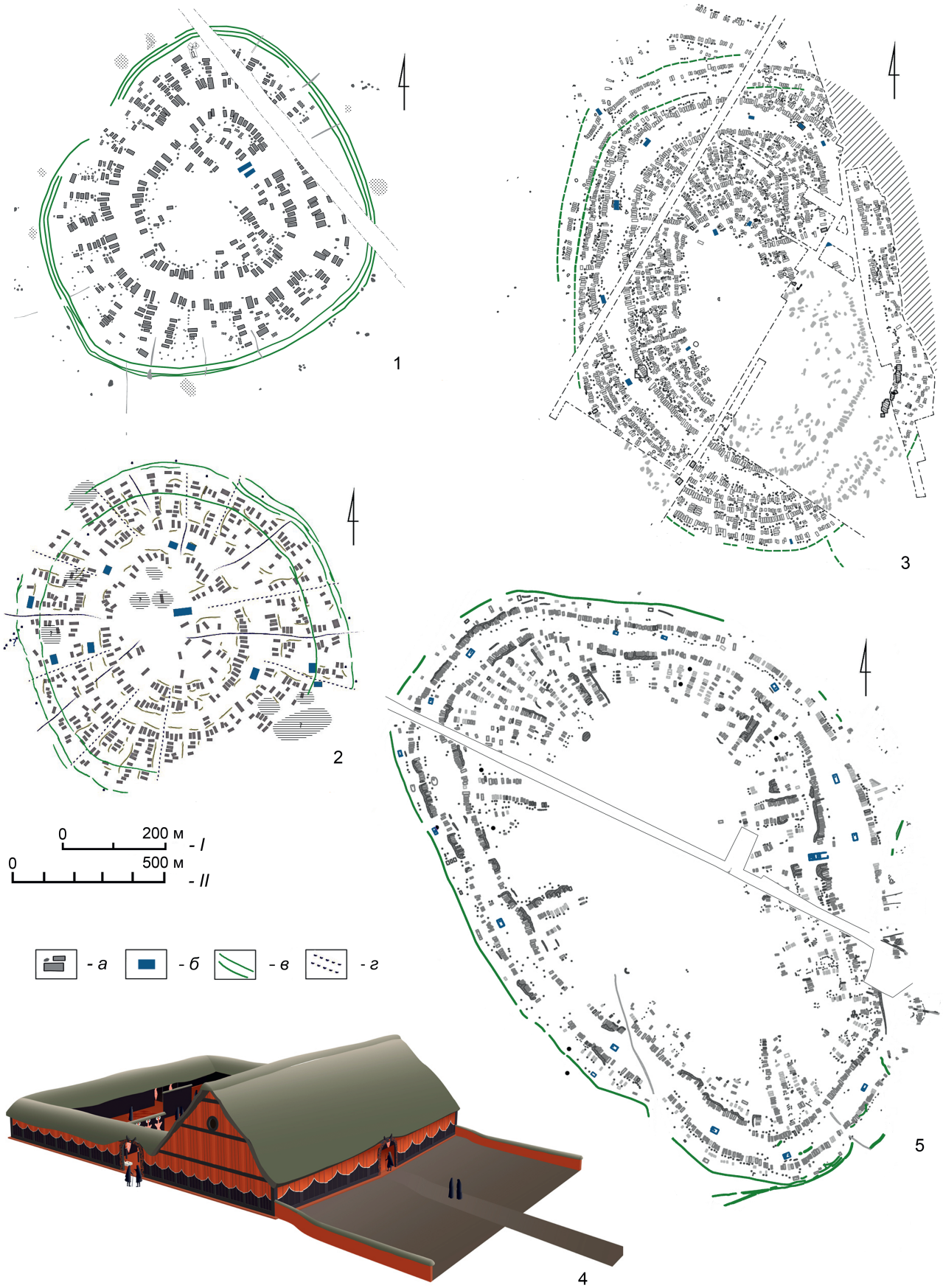
Одна из основных проблем при интерпретации трипольских «мега-поселений» — оценка продолжительности их существования и последовательности их формирования. Она может решаться тремя путями.

Первый из них — стратиграфические наблюдения, свидетельствующие о длительности и последовательности формирования поселенческих объектов. Однако здесь существуют определенные сложности, связанные с однослойностью памятников. «Горизонтальную» стратиграфию практически невозможно проследить при неплотной застройке. Отдельные свидетельства ремонта домов не позволяют говорить о том, что они могли существовать дольше, чем обычный период эксплуатации глинобитной постройки — как правило, он не превышает 50–70 лет. В пользу этого свидетельствует и тонкий культурный слой по краям «площадок».

Второй — радиоуглеродные даты. Эта тема стала особенно актуальной в последнее десятилетие, когда для отдельных памятников были получены десятки дат, вернувшие исследовательский вопрос об их микрохронологии. В Небелевке сделаны 86 измерений, которые позволяют оценить временной промежуток существования поселения от 50 до 230 лет, т. е. около 150 лет (*Gaydarska (ed.)*, 2020. P. 256). Анализ более 60 радиоуглеродных дат, полученных в Майданецком, дает основание предполагать, что «активность населения здесь охватывает промежуток более чем около 350 лет, в диапазоне от 3990 до 3640 cal BCE», с вероятным пиком заселения в период между 3765–3710 cal BCE (*Ohlrau,* 2020. P. 226, fig. 144). Длительность заселения в 150–200 лет предполагается и для поселения Петрень в Молдове (*Uhl*, 2020. S. 142). В пределах этих достаточно широких промежутков времени, по мнению некоторых авторов, могло происходить последовательное освоение отдельных частей поселка (*Ohlrau,* 2020. P. 228–229; *Uhl*, 2020).

Третий способ — выявление различий между комплексами на основе керамического материала. Керамика является самой массовой из археологических находок. Серии из десятков орнаментированных сосудов, происходящие из раскопанных построек, представляют важный материал для сравнения. С одной стороны, это вызывает целый ряд вопросов к методике исследования. Так, проведенный автором статьи анализ материалов поселения Журы, относящегося к более раннему периоду Триполье BI, выявил отличия серий сосудов из разных жилищ. Их можно интерпретировать как хронологические или отражающие разнородность традиций производства керамики различными группами, из которых состояло население поселка (*Палагута*, 1998. С. 136–137).

Керамический комплекс периода Триполье BII–CI, к которому относятся поселения-гиганты, гораздо более стандартизирован. Миски приобретают коническую форму и могли изготавливаться на шаблонах; в сосудах закрытых форм ярко выражено ребро в местах соединения нижней, «мисочной», части (возможно, также изготавливаемой отдельно с использованием шаблона) с плечиками, что тоже свидетельствует о стандартизации и оптимизации технологической цепочки при массовом изготовлении больших партий керамики. Такая же ситуация и с орнаментами, где используется повторяющийся стандартный


1
2
3
4
5
0
200 м
- I
0
500 м
- II
- а
- б
- в
- г

набор орнаментальных схем, соответствующий формам сосудов. Отличия наблюдаются лишь в формах и расположении отдельных элементов. Достаточно однородную картину демонстрируют и виды симметрии, на основе которых выстраивался орнамент[2].

Интересные результаты получены Т. М. Ткачуком в изучении материалов Майданецкого при сравнении наборов элементов орнаментов («знаков»), добавляемых мастерами к стандартным орнаментальным схемам: они отличались в соседних группах жилищ, которые формировали часть кольца застройки (*Ткачук, Мельник*, 2000. С. 152–153, 205. Рис. 18). Интерпретация этих элементов как «знаков», образующих «знаковую систему», — предмет особого обсуждения (*Палагута,* 2011).

Такие различия понятны в свете недавних исследований в Тальянках гончарных производственных комплексов. Они располагались по периметру поселения и могли обслуживать группы людей, проживавших в примыкающих к ним секторах застройки (*Корвин-Пиотровский, Овчинников,* 2020). Соответственно, мастера, обслуживающие свои группы, использовали свой набор элементов и его комбинации. Этому соответствуют и этнографические наблюдения, свидетельствующие, что семьи мастеров используют собственные комбинации орнаментальных мотивов, характерных для всей этнической группы, акцентируя внимание на «своем» наборе элементов, — таким образом их керамику можно отличить от соседской (*Hardin*, 1983). Отсюда в археологическом материале различия в деталях декора могут быть не столько хронологическим показателем, сколько указывать на те или иные сообщества, объединение которых образовывало поселенческую общину.

К сожалению, кроме Т. М. Ткачука подобных детальных наблюдений больше никто не проводил. Анализ массового материала на основе классификации стандартных схем не дает возможности разделить эту достаточно однородную массу материала. Хотя опыт его применения при выявлении микрохронологии Майданецкого представлен в недавней монографии Р. Ольрау (*Ohlrau,* 2020), он не дал ощутимых результатов (рец. см. *Палагута*, 2020).

Очевидно, что в пределах предложенного 350-летнего интервала времени, охватывающего жизни около 15 поколений, должны прослеживаться явные и существенные различия в керамическом комплексе. Следовательно, либо эти различия пока не выявлены исследователями, либо хронологический интервал существования памятника был значительно короче, а «сама по себе абсолютная датировка в том виде, в каком она сложилась сейчас, ***не дает*** твердых оснований для относительной хронологии памятников, для установления их действительной одновременности или реальных временных последовательностей» (*Kozhin*, 2007. P. VIII).

«Места паломничества»?

Теории урбанистического или неоурбанистического развития трипольского общества, где поселения-гиганты рассматриваются как центральные места в иерархической системе поселений (*Відейко*, 2003) или как результат эпизодической недолговременной концентрации населения под воздействием экологических или социально-политических факторов, таких как конфронтация с другими группами (*Круц*, 1989; 2008а), — тема затянувшейся на десятилетия дискуссии среди украинских археологов.

В последние годы популярность приобрела еще одна гипотеза, появившаяся после недавних исследований поселений-гигантов, — «паломническая модель», согласно которой предполагается их периодическое заселение (*Chapman, Gaydarska,* 2019). Привлекательность ее очевидна — этим можно объяснить и тонкий культурный слой памятников, и длительность их существования, выявленную по радиоуглеродным данным.

[2] См. статью Е. Г. Старковой, с. 416–432.

Рис. 1. Обновленные планы поселений трипольской культуры: *1* — Стольничень I (*Ţerna et al.,* 2019); *2* — Петрень (*Uhl et al.,* 2017); *3* — Майданецкое (*Ohlrau*, 2020); *4* — реконструкция «мегаструктуры» в Небелевке (*Gaydarska (ed.)*, 2020); *5* — Небелевка (*Ibid.*). *Условные обозначения: а* — постройки; *б* — крупные постройки; *в* — рвы; *г* — дороги. Масштаб: *I* — для 1, 2; *II* — для 3, 5

Fig. 1. Updated plans of settlements of the Tripolye culture: *1* — Stolniceni I (*Ţerna et al.,* 2019); *2* — Petreni (*Uhl et al.,* 2017); *3* — Maydanetskoye (*Ohlrau*, 2020); *4* — reconstruction of a “megastructure” in Nebelevka (*Gaydarska (ed.)*, 2020); *5* —Nebelevka (*Ibid.*). *Keys: а* — buildings; *б* — large structures; *в* — ditches; *г* — roads. Scale: *I* — for 1, 2; *II* — for 3, 5

Впервые наличие возможности такой интерпретации было сформулировано П. М. Кожиным. Позволю себе процитировать полностью абзац из его предисловия к моей книге, написанного в 2007 г.: «Можно предположить, что центры эти не являлись местами постоянного проживания для различных групп населения, а являлись „местами общего сбора“ (ближайшей аналогией здесь напрашиваются древние скандинавские законодательно-судебные центры — „судебные поля“), где дома заполнялись населением лишь во время периодических или эпизодических всенародных собраний» (*Kozhin,* 2007. P. IX). Ориентированная по сторонам света круговая структура таких «мест сбора» соотносилась с социальными группировками древних коллективов, их иерархией (*Кожин,* 2016. С. 19). Эта идея высказывалась П. М. Кожиным в качестве рабочей гипотезы, которая, разумеется, должна быть верифицирована на конкретном материале.

Функционирование народных собраний (тингов) в раннем средневековье описывается в исландских сагах, в частности, в «Пряди о Пивном Капюшоне», герой которой решал свою тяжбу на одном из таких собраний, проходившем в летние месяцы (Исландские саги, 1999. С. 437–446). Исследование мест тингов, осуществленное в странах Северной Европы, выявило не только площадки, на которых они проводились, но и целый комплекс построек, в которых проживали в это время их участники (*Sanmark et al. (eds.)*, 2013; 2015). Возможно, что эта традиция восходит еще к неолиту — медному веку, и подобную функцию «мест сбора» могли выполнять «ронделлы» Центральной Европы (*Палагута*, 2012. С. 81–87). Но могли ли играть эту роль трипольские поселения-гиганты?

Исходными посылами для интерпретации Небелевки как «места паломничества» для Дж. Чепмана и Б. Гайдарской стали обновленный магнитометрический план поселения с его структурой улиц и кварталов, слабообожженных «мегаструктур» и других ранее невыявленных объектов, а также результаты спорово-пыльцевого анализа, которые демонстрировали отсутствие мощного антропогенного воздействия на окружающую среду (*Chapman, Gaydarska,* 2019. P. 74). Пытаясь далее выстроить данную модель, авторы рисуют картину существования поселения-гиганта Небелевка, куда «паломнические группы приезжали на срок до одного месяца в год в сезон паломничества, длившийся восемь (бесснежных) месяцев в году, из общин в радиусе до 100 км», и где этот «паломнический центр» «предлагал меньшим общинам множество возможностей для пропитания, укрепления родства, обмена и пиршеств, больше, чем они могли бы иметь при его отсутствии» (*Ibid*. P. 90). Этот центр был для паломников и поставщиком священных предметов — расписной керамики, статуэток, — которые они могли взять с собой по завершении путешествия. Авторы даже реконструировали примерный путь священной процессии, которая огибала поселение, заворачивая в «дома собраний» и «мегаструктуру» (*Ibid*. P. 101, fig. 14–15).

Масштабная картина «паломничеств», нарисованная английскими исследователями, к сожалению, остается плодом воображения, созданным на основе впечатлений от сравнительно небольших по объему полевых исследований. Главным доказательством здесь было бы выявление системы синхронных постоянных поселений меньшего масштаба, которые бы окружали поселения-гиганты. Как отмечают А. Дяченко и Ф. Менотти, число домов в таких поселениях, синхронных Небелевке, должно превышать 1200, «что соответствует более 90 поселениям по 10 га каждое» (*Diachenko, Menotti*, 2017. P. 214). Однако свидетельств их наличия нет, как и доказательств синхронности ближайших памятников. Данные об округе Небелевки мало напоминают ожидаемую картину (*Chapman et al.*, 2015. P. 431–432, fig. 2). Нет подобных доказательств, где поселения-гиганты были бы окружены системой меньших по размеру синхронных памятников, и у сторонников модели иерархической системы заселения, предложенной еще в 1990-е гг. М. Ю. Видейко (*Відейко*, 2003. С. 101–103).

Таким образом, несмотря на появление новых интерпретаций, актуальной пока остается точка зрения В. А. Круца о сравнительно недолговременном характере «поселений-гигантов», возникавших под воздействием различных факторов — как экологических, так и социально-политических (*Круц*, 2008а). Срок их жизни, по его мнению, не превышал продолжительности двух поколений, или около 50 лет (*Круц*, 1989. С. 121), а система их заселения находилась в процессе постоянного динамического изменения.

Исследования функционирования этой системы возможны с применением математического моделирования (*Diachenko,* 2012; *Diachenko,*

Menotti, 2012 и др.). Однако при этом необходима верификация математических моделей путем реконструкции реальной структуры заселения регионов на основании выявления памятников, образующих единые хронологические пласты. Иначе мы будем периодически сталкиваться с «методологическими революциями», на деле реализующими фантазию их авторов.

Взгляд на мир сквозь призму искусства: где искать «Большого Другого»?

Еще одним аспектом «методологической революции» стало привлечение для реконструкции мировоззренческих аспектов методов психоанализа — концепций Жака Лакана, вернее, их изложения словенским философом С. Жижеком. Исходной предпосылкой для реконструкций является идея «Большого Другого», которую трипольцы использовали как «точку опоры образа жизни», в качестве «связующего звена между структурированием символического мира группы и созданием ею материальных традиций», воплощенных в поселении и жилище, антропоморфной пластике и расписной керамике (*Chapman, Gaydarska*, 2018. P. 267). Использование терминологии и методов психоанализа для интерпретации археологических материалов несколько обескураживает, особенно когда выводы исследования сводятся к пространным рассуждениям о возможных идентичностях, индивидуальной и общей ценности объектов для их владельцев, вариантах социальной дифференциации и их комбинациях и т. д. (*Ibid*. P. 274–275).

К сожалению, археология «не может претендовать на описание того видения мира, которое было свойственно создателям археологических культур» (*Берёзкин*, 2014. С. 211). Приходится исходить из тех наблюдений, которые позволяет нам сделать полевой материал. Остановлюсь детальнее на некоторых специфических объектах и материалах, известных в период формирования поселений-гигантов, не прибегая к кардинальному изменению «теоретического ландшафта» археологической науки.

Образование крупных сообществ, которые состоят из нескольких тысяч проживающих вместе людей, должно сопровождаться определенными коллективными действиями, сплачивающими группу и объединяющими домохозяйства. Для многочисленных древних цивилизаций Старого и Нового Света, где возникают иерархически организованные социальные структуры, они связаны с монументальными сооружениями, вокруг которых эти действия разворачиваются.

В Кукутень-Триполье монументальных сооружений, принципиально отличающихся по своей архитектуре от жилых и хозяйственных построек, нет. Д. Черновол высказывал предположение, что роль общественных построек могли играть жилища, выделяющиеся своими более крупными размерами (свыше 100 кв. м), — некоторые из них можно интерпретировать в качестве «мужских домов» (*Черновол,* 2019. С. 10–11). Такие постройки появляются уже в начальном периоде Триполье А–Прекукутень (*Hofmann et al.*, 2016).

Интерпретация «мегаструктур», выявленных на некоторых поселениях-гигантах, как мест коллективных действий вполне возможна, но, как отмечено ранее, их функция могла быть шире, включая хозяйственную деятельность. Такого рода конструкции все еще не выявлены на поселениях более раннего периода: их исследование ограничено только раскопками в Небелевке. Можно также предположить, что «местом общего сбора» была центральная площадка на поселениях с кольцевой планировкой, что не находит археологических подтверждений: следы действий, которые могли там происходить, пока невозможно проследить.

Изобразительное искусство времени поселений-гигантов (Триполье BII–CI) представлено, как и в предыдущие периоды развития культуры, преимущественно предметами мелкой пластики — антропоморфными и зооморфными статуэтками, а также многочисленными изделиями-моделями. Однако в это время оно приобретает свои особенности.

В первую очередь отмечу распространение моделей саней, неизвестных в предыдущие периоды. Они получают широкое распространение именно на фоне концентрации населения в крупных поселках (*Балабина*, 2004)[3]. Такое внимание к транспортным средствам неслучайно: в системе жизнеобеспечения мега-поселений

[3] Предположение о наличии в Триполье-Кукутень колесных транспортных средств (*Гусев*, 1998) не имеет достаточно веских оснований. Находки моделей саней и их фрагментов исчисляются десятками, но в Триполье-Кукутень нет ни одной находки модели повозки. Наиболее ранние из них известны в баденской культуре (*Bondár*, 2012), соотносимой с финалом Триполья CII, началом раннего бронзового века.

транспортировка грузов — продовольствия, дров, строительных материалов и т. д. — должна иметь большое значение. Следует обратить внимание на то, что сани обладают весьма ограниченными возможностями по грузоподъемности и маневренности и применение их все равно носит вспомогательный характер.

Именно в этот период широко распространяются статуэтки с натуралистической моделировкой лиц, бóльшая часть которых концентрируется в пределах томашовско-сушковской группы памятников, где сосредоточены основные поселения-гиганты (*Бурдо*, 2010. Карта 1). Неясно, являются ли эти статуэтки изображениями каких-то реальных персонажей или образами мифических предков и божеств. Индивидуальность черт лица здесь может быть обусловлена как их портретностью, если художник стремился максимально индивидуализировать изображаемый персонаж, так и вариациями исполнительской манеры.

Появление достаточно представительной серии натуралистичных изображений в Триполье BII и CI могло быть обусловлено необходимостью конкретизировать изображаемых персонажей на фоне изменений социальной реальности — формирования значительных по размеру коллективов, объединяющих тысячи людей, которые составляли население поселений-гигантов (*Палагута*, 2012. С. 242–246).

Наряду с натуралистическими существует масса схематических форм статуэток с лицами в виде диска с выступом-носом и дырочками-глазами. Начиная с периода Кукутень A–B — Триполье BI–BII, в статуэтках стали проделывать отверстия, которые, наиболее вероятно, использовались для крепления одежды. Одежда и украшения, которые могли крепиться через дырочки в ушах фигурок, также выступали атрибутами, позволяющими различать персонажей. Судя по атрибутам, можно обозначить женские и мужские фигурки (с перевязью через плечо и выступом-фаллосом). Конструктивно они подразделяются на стоящие фигурки с конусообразной нижней частью и с плоским основанием, которые держали в руках или на чем-то устанавливали, а также сидящие. Разнообразие форм и размеров пластики, возможно, связано с ее полифункциональностью. Наборы фигурок уже были рассмотрены в контексте культа предков по аналогии с античным культом домашних божеств — Ларов и Пенатов. Часть их обнаружена вместе с моделями домов, что подчеркивает их связь с домохозяйством (*Палагута*, 2017).

Специфичными для томашовско-сушковской группы являются модели жилищ с закрепленными в них фигурками, обнаруженные в Сушковке, Чичиркозовке и Попудне, где модель сохранилась полностью. Фигурки здесь не только выполнены в масштабе интерьера типичного трипольского жилища, что усиливает реалистичность сцены, но и изображены в процессе совершения определенного действия: один персонаж (женщина) растирает на зернотерке зерно, а другой, возможно, мужчина, сидит у печи и наблюдает за ней. Таким образом, гендерные роли здесь представлены ясно и наглядно. Повторение сцены на нескольких изделиях говорит о том, что изображение выступает в качестве иллюстрации к конкретному тексту, который предположительно мог циркулировать (в виде сюжета — скульптурная композиция) в пределах определенной группы населения Триполья-Кукутень. *Не исключено, что значение таких моделей сводилось к изобразительному выражению благопожелательной формулы, связанной с основанием домохозяйства или поселения, либо с культом предков-основателей родовой группы* (*Палагута, Старкова*, 2017).

В отличие от пластики, с ее индивидуализацией и акцентом на связь жилища и человека, керамика периода поселений-гигантов демонстрирует тенденции к унификации, что выражается в наборе стандартных форм и орнаментальных схем.

В Триполье BII–CI абстрактно-геометрические формы орнаментации начинают активно дополняться зооморфными и антропоморфными изображениями, входящими в канву абстрактно-геометрического узора, но не составляющими с ними единой композиции: ряд элементов, обычно трактуемых как «солярные» или «лунарные» символы, имеет, скорее всего, техническое происхождение (*Палагута*, 2011. С. 253). Основная зона возникновения такого рода изображений находится в среднем течении р. Прут и в Прут-Днестровском междуречье, откуда носители традиций расписной керамики продвинулись в Буго-Днепровское междуречье, где и возникли наиболее крупные трипольские поселения (*Палагута*, 2012. С. 247–253, рис. 81). Но на поселениях-гигантах таких изображений мало: здесь они являются, скорее, дериватами — упрощенными, периферийными образцами. Среди немногочисленных рисунков можно найти собак и условное

изображение дерева, очень редко — антропоморфные фигуры. Очевидно, что редкость здесь изобразительных элементов связана с организацией массового производства стандартной посуды.

Искусство и архитектура Триполья-Кукутень не дают оснований для того, чтобы указывать на наличие в этом обществе строго организованных иерархических структур с выделенной элитой, но гендерные роли, по-видимому, были четко распределены. Возможно, что некоторые большие постройки связаны с группами типа «тайных» мужских сообществ или возрастных классов. Такие организации широко распространены в относительно эгалитарных сообществах (*Palaguta*, 2018).

С другой стороны, мелкая пластика ориентирована преимущественно на использование в пределах домохозяйства или группы родственных домохозяйств. Эта тенденция, очевидно, становится более выраженной, когда в моделях жилищ стали помещать изображения персонажей, занятых в бытовой сцене с обозначенными гендерными ролями.

С исчезновением поселений-гигантов и дезинтеграцией трипольской культуры кардинально меняются размеры и архитектура поселков, значительные изменения происходят в формах пластики, которая начинает использоваться в погребальном ритуале, происходит деградация схем спирального декора и его симметрии. Эти перемены отмечают и существенные изменения социальных структур.

Исследования поселений-гигантов: возможные перспективы

Выявление конкретных связей между различными аспектами культуры, которые прослеживаются через археологический материал, возможно без выстраивания умозрительных связей между воображаемым, символическим и реальностью. Для этого требуется суммирование многочисленных эмпирических данных, полученных как из новых наблюдений, которые сделаны в последние десятилетия с использованием обновленных магнитометрических планов, так и в результате более тщательной фиксации археологических объектов. С другой стороны, необходима публикация материалов старых коллекций, основанная на изучении особенностей технологии изготовления, выявления отличительных черт построения орнаментов керамики и вариаций форм их элементов. Огромные возможности заключены и в области палеоэкологических и палеоэкономических реконструкций, которые позволяют шире раскрыть процесс формирования и развития поселенческой системы. Начало этим исследованиям когда-то положила работа С. Н. Бибикова (*Бибиков*, 1965). Все это вполне достижимо при использовании традиционных методов археологии.

На мой взгляд, для понимания процессов, которые происходили в энеолите на юге Восточной Европы, перспективно также привлечение этнографических и исторических параллелей. Это касается не только полей тинга, исследования которых позволяют верифицировать «паломнические» гипотезы, но также разработки в области изучения поселенческих систем раннеземледельческих культур и развития локальных сообществ в других частях света. Эволюция обществ и рождающихся в них идей мультилинейна вследствие различных условий окружающей их природной и социальной среды (*Джонсон, Эрл*, 2017), однако подобные сопоставления могут прояснить факторы, которые обусловливали концентрацию населения в крупных поселках, а также развитие во времени сложных поселенческих структур.

Такие наблюдения, например, были сделаны в районе Великих озер в Северной Америке, где население ирокезских племен концентрировалось в крупных поселках еще до появления там европейцев под воздействием климатических изменений и военных конфликтов. Конечно, эти поселения не столь масштабны, как трипольские поселения-гиганты: их население достигало 1500–2000 человек. Поселки ирокезов были укреплены рвом и частоколом, внутри которого располагалось несколько десятков плотно примыкавших друг к другу «длинных домов». Время существования такого поселка — 10–40 лет, таким образом, он представлял «срез активности одного поколения». После этого его переносили на 5–10 км, обычно вверх по течению реки. Причиной таких переносов было истощение почв и других ресурсов, а также лесные пожары (*Birch*, 2012; см. также: *Birch*, 2013; *Thompson, Birch (eds.)*, 2018). Несмотря на иные масштабы и условия, эта модель расселения, по сути представленная в предложенной 30 лет назад концепции В. А. Круца (*Круц*, 1989), выглядит наиболее убедительной и для трипольской культуры.

Благодарности. Благодарю уважаемых коллег А. В. Дяченко, Э. В. Овчинникова, Е. Г. Старкову за ценные замечания и добавления к тексту статьи.

Балабина, 2004 — *Балабина В. И.* Глиняные модели саней культуры Кукутень-Триполье и тема пути // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Памяти Виталия Васильевича Волкова: Сб. ст. / Ред. А. Н. Гей. Москва: ИА РАН, 2004. С. 180–213.

Берёзкин, 2014 — *Берёзкин Ю. Е.* Варианты политогенеза в догосударственную эпоху и подходы к их изучению // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 187–217.

Бибиков, 1965 — *Бибиков С. Н.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (опыт изучения первобытной экономики) // СА. 1965. № 1. С. 48–62.

Бурдо, 2010 — *Бурдо Н. Б.* Реалистическая пластика Триполья-Кукутень: систематизация, типология, интерпретация // Stratum plus. 2010. № 2: Лики далеких предков. С. 123–167.

Відейко, 2003 — *Відейко М. Ю.* Трипільська цивілізація. Видання 2-ге. Київ: Академперіодика, 2003. 184 с.

Відейко, Бурдо, 2015 — *Відейко М., Бурдо Н.* «Мегаструктура» — храм на трипільському поселенні біля с. Небелівка // Культурний комплекс Кукутень-Трипілля та його сусіди. Збірк наукових праць пам'яті Володимира Круца / Ред. О. Дяченко, Ф. Менотті, С. Рижов, К. Бунятян, С. Кадров. Львів: Астролябія, 2015. С. 309–334.

Видейко и др., 2013 — *Видейко М., Чапмен Дж., Гейдарская Б., Бурдо Н., Овчинников Э., Пашкевич Г., Шевченко Н.* Исследования мегаструктуры на поселении трипольской культуры у с. Небелевка в 2012 году // Tyragetia, s.n. 2013. Vol. VII [XXII], nr. 1. С. 97–124.

Видейко и др., 2015 — *Видейко М. Ю., Чепмэн Дж., Бурдо Н. Б., Гайдарска Б., Церна С. В., Рудь В. С., Киосак Д. В.* Комплексные исследования оборонительных сооружений, производственных комплексов и остатков построек на трипольском поселении у села Небелевка // Stratum plus. 2015. № 2: Доисторическая Европа: интерпретация культур. С. 147–170.

Відейко, 2019 — *Відейко М. Ю.* Гончарні горни трипільської культури: нові горизонти досліджень // VIR BIMARIS: od kujawskiego matecznika do stepów nadczarnomorskich: studia z dziejów międzymorza bałtycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Kośko / Eds. M. Szmyt, P. Chachlikowski, J. Czebreszuk, M. Ignaczak, P. Makarowicz. Poznań: Adam Mickiewicz University, 2019. С. 847–859.

Гусев, 1998 — *Гусев С. А.* К вопросу о транспортных средствах трипольской культуры // РА. 1998. № 1. С. 15–28.

Джонсон, Эрл, 2017 — *Джонсон А., Эрл Т.* Эволюция человеческих обществ: От добывающей общины к аграрному государству / Пер. с англ. И. В. Кузнецова, Е. Веремеевой; науч. ред. перевода О. Маслова-Вальтер, М. Маяцкий. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 552 с.

Исландские саги, 1999 — Исландские саги: в 2 тт. Т. II / Под ред. О. А. Смирницкой. СПб.: Журнал Нева, Летний сад, 1999. 560 с.

Кожин, 2016 — *Кожин П. М.* Предисловие П. М. Кожина // Палагута И. В. Трипольская культура в начале развитого периода (BI): относительная хронология и локальные варианты памятников. Киев: Видавець Олег Філюк, 2016. С. 13–23.

Корвин-Пиотровский, Овчинников, 2020 — *Корвин-Пиотровский А., Овчинников Э.* Производственные объекты комплекса «Семья гончара» на трипольском поселении Тальянки // Eminak. 2020. Вип. 1 (29). С. 254–276.

Круц и др., 2001 — *Круц В. А., Корвин-Пиотровский А. Г., Рыжов С. Н.* Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2001 г. Киев: ИА НАНУ, 2001. 109 с.

Круц и др., 2005 — *Круц В. А., Корвин-Пиотровский А. Г., Рыжов С. Н., Бузян Г. Н., Овчинников Э. В., Черновол Д. К., Чабанюк В. В.* Исследование поселений-гигантов трипольской культуры в 2002–2004 гг. Киев: ИА НАНУ, 2005. 140 с.

Круц и др., 2013 — *Круц В. А., Корвин-Пиотровский А. Г., Чабанюк В. В., Шатило Л. А.* Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2012 г. Киев: ИА НАНУ, 2013. 103 с.

Круц, 1989 — *Круц В.* А. К истории населения трипольской культуры в междуречье Южного Буга и Днепра // Первобытная археология: Материалы и исслед.: Сб. науч. тр. / Ред. С. С. Березанская. Киев: Наукова думка, 1989. С. 117–132.

Круц, 2008а — *Круц В.* Поселения-гиганты трипольской культуры // Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки: Сб. ст. / Ред. А. Корвин-Пиотровский, Ф. Менотти. Киев: ИА НАНУ, 2008. С. 33–41.

Круц, 2008б — *Круц В.* Поселение-гигант Тальянки // Там же. С. 49–56.

Массон, 1980 — *Массон В. М.* Динамика развития трипольского общества в свете палеодемографических оценок // Первобытная археология —

поиски и находки: Сб. науч. тр. / Отв. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка, 1980. С. 204–212.

Овчинников, 2014 — *Овчинников Е. В.* Трипільська культура Канівського Подніпров'я (етапи BII–CI). Київ: Видавець Олег Філюк, 2014. 406 с.

Палагута, 1998 — *Палагута И. В.* Поселение Журы в Поднестровье: к вопросу о выделении локальных вариантов в Триполье BI // Вестник МГУ. 1998. Серия 8: История. № 6. С. 122–144.

Палагута, 2011 — *Палагута И. В.* Орнаменты Триполья-Кукутени: направления исследований и возможности интерпретации // РАЕ. 2011. Вып. 1. С. 245–261.

Палагута, 2012 — *Палагута И. В.* Мир искусства древних земледельцев Европы. Культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н. э. СПб.: Алетейя, 2012. 336 с.

Палагута, 2017 — *Палагута И. В.* Антропоморфная пластика неолита — медного века Европы: проблемы и перспективы исследования // Ex Ungue Leonem: Сб. ст. к 90-летию Льва Самуиловича Клейна / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 179–202.

Палагута, 2020 — *Палагута И. В.* Трипольские «поселения-гиганты»: новые исследования и новые вопросы ([Рец. на:] Ohlrau, René. Maidanets'ke: Development and Decline of a Trypillia Mega-site in Central Ukraine. Leiden: Sidestone Press, 2020. 424 p.) // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2020. № 2. С. 172–179.

Палагута, Старкова, 2017 — *Палагута И. В., Старкова Е. Г.* Модель жилища из трипольского поселения Попудня: новая интерпретация уникальной находки // АЭАЕ. 2017. Т. 45, № 1. С. 83–92.

Пичкур, 2008 — *Пичкур Е.* Кремневые изделия с поселения Тальянки // Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки: Сб. ст. / Ред. А. Корвин-Пиотровский, Ф. Менотти. Киев: ИА НАНУ, 2008. С. 152–158.

Смирнова и др., 2018 — *Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т., Старкова Е. Г.* Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН. СПб.: ГЭ; ИИМК РАН; НКТ, 2018. 336 с.

Ткачук, Мельник, 2000 — *Ткачук Т. М., Мельник Я. Г.* Семіотичний аналіз трипільсько-кукутенських знакових систем (мальований посуд). Івано-Франківськ: Плай, 2000. 240 с.

Трипольская культура в Украине, 2008 — Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки: Сб. ст. / Ред. А. Корвин-Пиотровский, Ф. Менотти. Киев: ИА НАНУ, 2008. 256 с.

Цвек, Мовчан, 2005 — *Цвек Е. В., Мовчан И. И.* Энеолитический производственный комплекс по добыче и обработке кремня на реке Большая Высь // На пошану Софії Станіславівни Березанської. Збірка наукових праць / Ред. В. Отрощенко. Київ: Шлях, 2005. С. 66–76.

Черновол, 2019 — *Черновол Д. К.* Інтер'єр будівель трипільської культури: Автореф. дис. … канд. іст. наук: 07.00.04 — archaeology / Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Київ: ІА НАНУ, 2019. 26 с.

Шишкін, 1973 — *Шишкін К. В.* З практики дешифрування аерофотознімків в археологічних цілях // Археологія. Київ, 1973. Вип. 52. С. 32–38.

Шмаглий и др., 1975 — *Шмаглий Н. М., Дудкин В. П., Зиньковский К. В.* Некоторые вопросы социально-демографической реконструкции крупного трипольского поселка (по материалам трипольских поселений Уманьщины) // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. конф. (Киев, апрель 1975 г.) / Ред. В. Д. Баран. Киев: АН УССР, 1975. Ч. 1. С. 68–69.

Шмаглий, Видейко, 2001–2002 — *Шмаглий Н. М., Видейко М. Ю.* Майданецкое — трипольский протогород // Stratum plus. 2001–2002. № 2: Земля Триполиада. С. 44–140.

Birch, 2012 — *Birch J.* Coalescent Communities: Settlement Aggregation and Social Integration in Iroquoian Ontario // American Antiquity. 2012. Vol. 77, no. 4. P. 646–670.

Birch, 2013 — *Birch J.* Between Villages and Cities: Settlement Aggregation in Cross-Cultural Perspective // From Prehistoric Villages to Cities. Settlement Aggregation and Community Transformation / Ed. J. Birch. New York: Routledge, 2013. P. 1–22.

Bondár, 2012 — *Bondár M.* Prehistoric Wagon Models in the Carpathian Basin (3500–1500 BC). Budapest: Archaeolingua, 2012 (Archaeolingua. Series minor; Vol. 32). 143 p.

Chapman et al., 2014 — *Chapman J., Videiko M., Hale D., Gaydarska B., Burdo N., Rassmann K., Mischka C., Müller J., Korvin-Piotrovskiy A., Kruts V.* The Second Phase of the Trypillia Mega-Site Methodological Revolution: A New Research Agenda // European Journal of Archaeology. 2014. № 17 (3). P. 369–406.

Chapman et al., 2015 — *Chapman J., Videiko M., Gaydarska B., Burdo N., Hale D.* Nebelivka: In Search of the History and Meaning of a Trypillia Copper Age Mega-site // Neolithic and Copper Age between

the Carpathians and the Aegean Sea. Chronologies and Technologies from the 6th to the 4th Millenium BCE. International Workshop Budapest 2012. / Eds. S. Hansen, P. Raczky, A. Anders, A. Reingruber. Bonn: Habelt, 2015 (Archäologie in Eurasien; Bd. 31). P. 429–446.

Chapman, Gaydarska, 2018 — *Chapman J., Gaydarska B*. The Cucuteni-Trypillia "Big Other" — Reflections on the Making of Millennial Cultural Traditions // Between History and Archaeology. Papers in honor of Jacek Lech / Eds. D. H. Werra, M. Woźny. Oxford: Archaeopress, 2018. P. 267–277.

Chapman, Gaydarska, 2019 — *Chapman J., Gaydarska B*. The pilgrimage model for Trypillia mega-Sites: The case of Nebelivka, Ukraine // Digging in the past of Old Europe. Studies in honor of Cristian Schuster at his 60th anniversary / Eds. V. Sîrbu, A. Comşa, D. Hortopan. Brăila, Editura Istros, 2019. P. 73–102.

Chernovol, 2012 — *Chernovol D*. Houses of the Tomashovskaya Local Group // The Tripolye Culture Giant-Settlements in Ukraine. Formation, Development and Decline / Eds. F. Menotti, A. G. Korvin-Piotrovskiy. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 182–209.

Diachenko, 2012 — *Diachenko A*. Settlement System of West Tripolye Culture in the Southern Bug and Dnieper Interfluve: Formation Problems // Ibid. P. 116–138.

Diachenko, 2019 — *Diachenko A*. Does the social field cause or accelerate social and cultural changes? The case of Eneolithic Cucuteni-Tripolye cultural complex // Habitus. The Social Dimension of Technology and Transformation / Eds. S. Kadrow, J. Müller. Leiden: Sidestone press, 2019. P. 71–85.

Diachenko, Menotti, 2012 — *Diachenko A., Menotti F*. The gravity model: monitoring the formation and development of the Tripolye culture giant-settlements in Ukraine // Journal of Archaeological Science. 2012. Vol. 39, no. 8. P. 2810–2817.

Diachenko, Menotti, 2017 — *Diachenko A., Menotti F*. Proto-Cities or Non-Proto-Cities? On the Nature of Cucuteni–Trypillia Mega-Sites // Journal of World Prehistory. 2017. Vol. 30, no. 3. P. 207–219.

Gaydarska (ed.), 2020 — *Gaydarska B*. (ed.). Early Urbanism in Europe. The Trypillia Megasites of the Ukrainian Forest-Steppe. Warsaw, Berlin: De Gruyter, 2020. 600 p.

Hardin, 1983 — *Hardin M. A*. The structure of Tarascan pottery painting // The Structure and Cognition of Art / Ed. D. K. Washburn. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 8–24.

Hofmann et al., 2016 — *Hofmann R., Țerna S., Ursu C.-E., Brandtstätter L., Tiede H., Mainusch W., Autenrieth S.* Spatial organisation and population size of small Cucuteni-Tripolye settlements: Results of geomagnetic surveys in Baia and Adâncata, Suceava County, Bucovina, Eastern Romania // Journal of Neolithic Archaeology. 2016. Vol. 18. P. 157–189.

Johnston et al., 2018 — *Johnston S., Diachenko A., Gaydarska B., Nebbia M., Voke P., Bondar K., Litkevych Vl., Chapman J*. The Experimental Building, Burning and Excavation of a Two-Storey Trypillia House // Materiality and Identity in Pre- and Protohistoric Europe. Homage to Cornelia-Magda Lazarovici / Eds. S. Țurcanu, C.-E. Ursu. Suceava: Karl A. Romstorfer, 2018. P. 397–434.

Kadrow et al., 2013 — *Kadrow S., Trela-Kieferling E., Tkachuk T., Țurcanu S., Gluza I., Prokopowicz A., Godula G*. Bilcze Złote: Materials of the Tripolye Culture from the Werteba and the Ogród Sites / Ed. S. Kadrow. Kraków: Muzeum Archeologiczne w Krakowie, 2013. 320 p.

Kozhin, 2007 — *Kozhin P*. Preface // I. Palaguta. Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI): The relative chronology and local grouping of sites. Oxford: John and Erica Hedges Ltd, 2007 (BAR, IS 1666). P. VII–X.

Ohlrau, 2020 — *Ohlrau R*. Maidanets'ke: Development and Decline of a Trypillia Mega-site in Central Ukraine. Leiden: Sidestone Press, 2020. 424 p.

Palaguta, 2018 — *Palaguta I. V*. «Group Portrait» of the Early Agricultural Era: A Set of Figurines of Vinča Culture from Stubline (Serbia) in the Context of the European Neolithic and Copper Age Societies // Вестник СПбГУ. Искусствоведение. 2018. № 4, Т. 8. С. 626–645.

Ryzhov, 2012a — *Ryzhov S. N*. Relative Chronology of the Giant-settlement Period BII-CI // The Tripolye Culture Giant-Settlements in Ukraine. Formation, Development and Decline / Eds. F. Menotti, A. G. Korvin-Piotrovskiy. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 79–115.

Ryzhov, 2012b — *Ryzhov S. N*. Tripolian Pottery of the Giant-settlements: Characteristics and Typology // Ibid. P. 139–168.

Sanmark et al. (*eds.*), 2013 — *Sanmark A., Iversen F., Mehler N., Semple* S. (eds.). Debating the Thing in the North // Journal of the North Atlantic. 2013. Special Vol. 5. 124 p.

Sanmark et al. (*eds.*), 2015 — *Sanmark A., Iversen F., Mehler N., Semple* S. (eds.). Debating the Thing in the North II / Journal of the North Atlantic. Special Vol. 8, 2015. 402 p.

Țerna et al., 2019 — *Țerna S., Vornicu-Țerna A., Hofmann R., Dal Corso M., Shatilo L., Vasilache-*

Curoşu M., Rud V., Knapp H., Kirleis W., Rassmann K., Müller J. Stolniceni — Excavation results from the 2017 campaign // Journal of Neolithic Archaeology. 2019. Vol. 21. P. 209–281.

Thompson, Birch (eds.), 2018 — *Thompson V. D., Birch J.* (eds.). The Archaeology of Villages in Eastern North America. Gainesville: University of Florida Press, 2018. 232 p.

Uhl et al., 2017 — *Uhl R. A., Vasilache-Curoşu M., Sîrbu M., Sîrbu L., Bicbaev V., Steiniger D., Zidarov P., Sava E., Hansen S.* Petreni in der nördlichen Moldaurepublik. Bericht über die Ausgrabungen der Jahre 2011–2013 // Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. 2014. Vol. 20. P. 185–205.

Uhl, 2020 — *Uhl R. A.* Chronologische Erkenntnisse aus Petreni und Konsequenzen für den Bebauungsplan // Die Cucuteni-Kultur und ihre südlichen Nachbarn. Forschungsgeschichte — Kulturbeziehungen — offene Fragen / Hrsg. G. Bodi, B. Govedarica, S. Hansen, A. Rubel, C.-E. Ursu. Suceava: Karl A. Romstorfer, 2020. S. 131–143.

Giant-settlements of Tripolye–Cucuteni: problems and prospects of the immediate investigations

I. V. Palaguta[4]

The most recent studies of giant-settlements of the Tripolye culture in the south of Eastern Europe in the 5th–4th millennium BC allow us to review this historical and cultural phenomenon. The updated magnetometric plans of the settlements trace the positions of unfired dwelling structures, pottery kilns and roads. Owing to this data, there were revealed defensive ditches and "mega-structures" — installations with the area from 200–300 to 1000 sq. m. In the reconstructions of the sequence of formation and the duration of the occupation of these sites, there remains a weak link of the discrepancy between the dates of the sites proposed by a number of researchers within broad chronological spans and the relatively deficient richness of their cultural deposits. This inconsistency induced the appearance of the hypothesis about settlements-giants as "places of pilgrimage". The arguments proposed in favour of this hypothesis so far are beneath criticism. Examination of the features of the architecture of these sites and peculiarities of the art of this period of Tripolye suggests neither the formation of any stable hierarchic social structures nor a predominance of horizontal ties in the organization of the communities. For further reconstructions, it is appropriate to turn to particular and varied ethnographic and historical parallels as yet little considered in the interpretations of the sites of the Tripolye-Cucuteni culture.

[4] Ilia Palaguta — Stieglitz State Academy of Arts and Design; Solyanoy per., 13, St. Petersburg, 191028, Russia; e-mail: ipalaguta@yandex.ru.